

Ланина Лансия

12+

Сердца
Крепости

Таисия Ганина

Сердца Крепости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67113825

SelfPub; 2022

Аннотация

Добро пожаловать в мир, где танцы на балах чередуются с бунтами, а крепости выбирают себе Сердце – человека, который оживит дух камня и заставит магию пробудиться.

На балу Александр встречает загадочную девушку, которая отличается от остальных дам высшего света. Но стоит ему отвлечься, незнакомка исчезает, и никто не знает, откуда она приехала. Сможет ли князь отыскать девушку?

Ксения приехала в столицу просить помощи, а попала на бал. Станцевав с князем, она спешит вернуться домой, но там её уже поджидает беда...

Встретятся ли они ещё раз, или лихие дороги мира разведут их в разные стороны?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	45
Глава 12	50
Глава 13	56
Глава 14	59
Глава 15	63
Глава 16	71
Глава 17	77
Глава 18	80
Глава 19	85

Таисия Ганина

Сердца Крепости

Глава 1

Аромат ранней весны врывается с балкона в комнату, окна распахнуты, а легкий ветер колышет гардины.

– Тебе идёт форма, но совершенно не идёт это выражение лица, милый. – На пороге застыла необыкновенно красивая женщина. Длинные каштановые волосы уложены в высокую изысканную причёску, платье в пол, плечи приоткрыты. Ангельское лицо немного портят нахмуренные брови, а серые глаза пристально рассматривают молодого человека напротив. Княгиня Агния Володковская выглядела молодо для своих лет, однако многочисленные роды сказались на фигуре, поэтому женщина предпочитала туго завязанный корсет любым модным веяниям.

– Спасибо за комплимент, маман, рад, что Вам понравилось. – Собеседник княгини был необычайно высок. Форма и вправду шла ему, мундир сидел как влитой. Тускло поблескивали золотом эполеты и аксельбанты. Старший сын княгини, Александр, был совершенно не похож на свою мать. Русоволосый и темноглазый, телосложением он пошёл в отца,

князя Виктора. Прямой нос, упрямый подбородок, тонкие губы сжаты в линию – казалось, он не умел улыбаться. Выражение лица смягчалось лишь при взгляде на близких родственников, в остальное время взглядом коменданта Творской крепости можно было заморозить воду в стакане.

– Ты опять слышишь лишь половину! Ну же, улыбнись и будь помягче сегодня на балу. Глядишь, девушки не будут от тебя шарахаться!

– Как пожелаете, maman¹.

Александр изобразил улыбку, однако, матери она совершенно не понравилась.

– Сын, ты девушек обольстить хочешь или шпагой проткнуть? Это не улыбка!

– Тогда мне лучше сохранять серьёзность, maman. Так у меня есть шанс показаться загадочным и интересным.

Губы Володковского тронула уже настоящая улыбка, и мать лишь покачала головой.

– Вот можешь же, когда не надо. Ладно, иди! И смотри по сторонам, может, кто понравится.

– Maman!

– Я уже двадцать восемь лет твоя maman! Уже и grand-mère² хочется стать...

---

¹ Maman – матушка (фр.)

² Grand-mère – бабушка (фр.)

Глава 2

В Лазурной зале было многолюдно. Не смолкали разговоры, кружились в танце пары.

Оркестр играл вальс, по паркету легко скользили Мария Червинская с мужем, князем Червинским.

Живя в отдалённой Нарсской крепости, они редко появлялись в столице, поэтому в этот вечер их появление стало причиной многих обсуждений.

– André, как думаешь, примет ли крепость брата?

– Mon amour³, откуда же мне знать? У него есть сила духа, он прирожденный военачальник... А вот есть ли в нем нота cordialité⁴, так сказать? Не знаю, не хочу загадывать. Но что-то мне подсказывает, что всё получится.

– Будем надеяться, дорогой, будем верить. Во всяком случае, одному ему будет тяжело справиться...

Будучи сердцем Нарсской крепости Мария понимала, насколько нелегко в одиночку нести это бремя. Испокон веков, когда у крепости зарождался свой дух, он выбирал хранителя, свое сердце. Человек-хранитель крепости становился своеобразным талисманом, оберегом для всех, живущих там. Крестьяне, солдаты, дворяне – все относились к серд-

---

³ Mon amour – любовь моя (фр.)

⁴ Cordialité – сердечность, душевность (фр.)

ду крепости с уважением и почтением. Если уж дух выбрал, значит, достоин.

Ходили слухи, что однажды крестьяне Сонской крепости взбунтовались, да заковали в кандалы своё сердце. Тогда дух заснул, ушёл в скалы, а человек-оберег потерял все свои силы, состарился в мгновение ока, согнувшись под тяжестью прожитых веков. Правда это, или сказка, которой пугают малышей, никто не знал. Одно знали точно – духа у Сонской крепости нет. Потому никто не хотел благословение богов терять, относились к сердцу крепости бережно. Вокруг таких крепостей вырастали города, место считалось отмеченным богами – благодатным.

Когда Нарсская крепость выбрала Марию своей хранительницей, девушка не предполагала, насколько тяжело вместить в себя такую силу. Это не дело для одного, часто приговаривала княгиня Червинская, с любовью смотря на мужа.

Разделив бремя с ним, девушка вздохнула спокойно, передав часть силы духа мужу.

Теперь она с тревогой смотрела на брата, Александра. Почти уверенная в том, что пробудившийся дух Творской крепости выберет его, молодая женщина переживала о том, как он справится с этой тяжкой ношей.

В свои двадцать восемь Александр Володковский был необыкновенно ответственным. Родители, прививавшие ему с рождения серьёзность, к шестнадцати годам схватились за голову. В то время как остальные юноши влюблялись и да-

рили своим возлюбленным цветы, молодой княжич проводил время за книгами. Друзья смогли немного изменить его характер, однако он так и оставался тем, кто берет на себя всю ответственность в компании. Родители были удивлены тому, что за всё время Александр с друзьями не устроили ни единой шалости...

К слову, шалости были, только вот планировал их вдумчивый и скрупулёзный Саша, поэтому риски попасться сводились к минимуму.

Талантливый военный, преуспел он и в управлении крепостью.

Глава 3

– Александр, читали ли Вы последний труд Де Коро?...

– Признаюсь Вам, графиня, не нашёл в нём ничего примечательного...

– Что Вы! Что Вы! Это же потрясающее произведение, неужели Вы не почувствовали весь трагизм? Ведь герой, Ле Деро, своими размышлениями приводит нас к...

Смолк вальс, зазвучал падеспань. Александр незаметно толкнул локтем Григория, или Грига, как он сам просил себя называть, стоявшего рядом. Молодой человек ловил каждое слово раскрасневшейся графини Полесской, однако среагировал на беззвучный сигнал вовремя.

– Леди, не позволите ли пригласить Вас на танец? Мне необыкновенно интересно...

Графиня довольно опустила глаза долу, изящно подала руку Григу, и они двинулись к танцующим.

Стоявший рядом с Александром высокий смуглый юноша рассмеялся.

– Вот скажи мне, друг Саша, что ж тебе не нравится в наших *les belles demoiselles*⁵?

– Эх, Миша-Миша... То мне и не нравится, что повторяют они одна за другой слово в слово то, что слышат. Внешне –

---

⁵ *Les belles demoiselles* – милые дамы (фр.)

красавицы, а поглубже копни...

– И нужно оно тебе? – Хитро блеснули черные сливы глаз Михаила.

– Нужно, Миша, нужно! В человеке не только внешность, как обёртка должна быть. Мысли, вот что важно. А с нашими графиней Полесской да баронессой Смеловской разговора путного не выйдет. Ты им про одно, они тебе совсем про другое... Вот с сёстрами моими говорить интересно?

– Ну, ты сравнил...

– Вот то-то и оно. А нужно, чтобы мнение было своё, пусть не такое как у других, так даже лучше! А спроси у барышень, кто Розефеллера читал? Одна-две!

– Так ты ни в жизнь не женишься, друг мой! Проще нужно на людей смотреть, проще!

Александр пожал плечами. Спор зашёл в тупик, продолжать его не было смысла.

Падеспань сменила кадрили, после оркестр заиграл гавот. Старший сын Володковских не танцевал. Прибегала младшая сестра, семнадцатилетняя Лена. Тоже щебетала что-то про Де Коро, на что Александр сделал себе заметку переговорить с родителями и подкинуть младшей несколько другие книги. Пусть жеманные барышни читают что хотят, сестру вводить в заблуждение он не даст. Раз уж прочитала книгу – её нужно разобрать. Подумать на счёт поступков героев, примерить роль главной героини на себя. И получится, что герой вовсе не рыцарь, а тот ещё шельмец...

– Александр, ты ещё не танцевал? – Князь Володковский приблизился к сыну.

– Нет, père⁶. Не хочется, да и все девушки уже нашли себе кавалеров в лице моих друзей. Не буду же я препятствовать чужому счастью!

– У тебя, как я погляжу, на всё отговорки есть... А вон там, посмотри, что за дама?

– Понятия не имею, père.

– Так пригласи её, не стой столбом! – Отец усмехнулся в усы, и двинулся дальше, заметив в толпе старых друзей.

Александр вздохнул и оставил своё надежное место, выбранное специально в стороне от стаяк девиц, что хлопали ресницами и кокетливо пожимали плечами.

Чуть в стороне и стояла особа, на которую указывал отец. *Solitaire et belle*⁷, как сказал бы Миша.

У неё что, парик? Александр не сразу понял, что волосы девушки, светлые, почти белые, не искусственный изыск.

Не слишком дорогое платье по моде прошлого сезона уже вызвало шепотки среди дам. Девушка нервно крутила кольцо на пальце и неосознанно старалась показаться менее заметной...

Александр вздохнул ещё раз. Отцу, в принципе, всё равно, кого он пригласит...

А она красивая. Белая кожа без единого изъяна и большие

---

⁶ Père – отец (фр.)

⁷ Solitaire et belle – одинокая и красивая (фр.)

глаза, не рассмотреть, какого цвета, далековато.

Он одернул мундир и двинулся, рассекая толпу танцующих, к ней. Вот маркиза Людская стрельнула глазами в подруг, показывая, мол, точно ко мне идёт.

Нет уж. Александр аккуратно лавировал между группками дам, пробираясь к цели. Главное, чтобы эту цель никто не увёл раньше. А то всё, *situation embarrassante*⁸!

Девушка заметила его приближение и посмотрела с явной надеждой.

– Позвольте отрекомендоваться, леди, князь Александр Володковский.

– Графиня Ксения Алябьева, кнесь.

Девушка использовала старомодное «кнесь», что выдавало в ней либо жительницу отдалённой губернии, либо воспитанницу кого-то из старых дворян, ещё помнивших прадеда Володковского.

– Madame, позвольте мне иметь удовольствие пригласить Вас на тур вальса?

Леди присела в реверансе и протянула руку.

«Какая ладошка маленькая!» – мелькнула мысль.

Глаза при ближайшем рассмотрении оказались серыми, с тёмной каёмкой по краю радужки. А на виске, ближе к брови, едва заметный, тщательно припудренный шрамик... Явно из детства.

Хм, а что если...

---

⁸ *Situation embarrassante* – неловкое положение (фр.)

– Miss⁹, скажите, вы читали последний труд Де Коро?

– Да, monsieur¹⁰.

Чистый, спокойный голос без тени жеманства. «До чего же прекрасны гласные, если их не тянут» – подумалось Александру.

– И что вы думаете по поводу главного героя? Не стесняйтесь, говорите, что приходит в голову!

Девушка ненадолго замялась, подбирая слова.

– Не в обиду автору, но главный герой, увы, не заслуживает восторгов дам. Trouble de la personnalité à type narcissique¹¹ на лицо. К тому же, его отношение к людям оставляет желать лучшего, более того, он гедонист. Я не одобряю его поступки, хоть и не оправдываю остальных персонажей романа. Как мне кажется, во всём произведении нельзя найти ни одного положительного героя... Разве что продавщица цветом, mademoiselle Giron¹².

– Поразительно! Леди, Вы меня покоряете Вашими рассуждениями! Я, пожалуй, соглашусь с Вами. Хотя, даже продавщицу цветов трудно назвать положительной героиней, зная, как она поступит с одной из своих подруг...

Александр не льстил девушке, она действительно озвучи-

---

⁹ Miss – леди (фр.)

¹⁰ Monsieur – сударь (фр.)

¹¹ Trouble de la personnalité à type narcissique – расстройство личности нарциссического типа (фр.)

¹² Mademoiselle Giron – мадемуазель Жирон (фр.)

ла его мысли по поводу новомодного романа, по какой-то причине занявшего умы всех дам высшего общества.

– Скажите, а вы не слышали о Розефеллере?

– Вы о его «Принципе работы парового двигателя»? Или про психологические учения? Если про второе, то боюсь, я не смогу сказать ничего путного, его изыскания на эту тему кажутся мне несколько путанными... Лучше уже Гаупвиц и его «Психологические расстройства личности и посттравматические синдромы».

– Гаупвиц? Мне больше понравились его «Тонкие материи». Его рассуждения о сущности мироздания весьма интересны и неоднозначны.

– Ммм, я только начала читать, пока ничего сказать не могу. Предпочитаю не делать поспешных выводов о книге, лучше дочитать до конца.

– А что на счёт паровых двигателей?

– Преобразование энергии водяного пара в механическую работу звучит заманчиво, однако у меня возникает ряд вопросов...

Александр был очарован этой смелой юной леди, так легко рассуждающей на темы, о которых не даже не слышали многие дамы высшего общества. Во время разговора её лицо чуть покраснелось, глаза сверкали неподдельным интересом.

Вальс закончился, и Александр повел девушку обратно.

– Премного благодарен за танец, графиня Ксения.

– Спасибо Вам, кнесь.

Александр увидел, как отец и мать ищут кого-то в толпе танцующих и тут же вспомнил об основной цели бала. Хранитель Творской крепости ещё не избран, и вон, Мария держит в руках сосуд с пробудившимся духом.

– Графиня, я покину Вас ненадолго, но, с Вашего позволения, ангажирую Вас на полонез?

– С нетерпением буду ждать, кнесь Александр.

Александр поклонился даме и поспешил к отцу.

Глава 4

В Лазурной зале смолк гомон сотен голосов. Двери распахнулись и все склонили головы – вошёл император. Мужчина среднего роста с темными чуть вьющимися волосами и смеющимся взглядом голубых глаз, он был окружен аурой власти и силы, заставляющей всех склоняться перед могуществом правителя.

– Ваше Императорское Высочество... – Поклонилась чета Володковских-старших.

– Рад Вас видеть, prince, princesse¹³. У вас всё готово?

– Да, мой Император. – Виктор улыбнулся старому другу.

– Тогда можем начинать. Выпускайте дух!

Мария передала матери сосуд с духом крепости и Агния, крепко держа его двумя руками, подняла над головой.

Ярко-красные искры побежали по стеклу, внутри, казалось, билось огромное сердце. Такое могло принадлежать лишь великану из древних легенд, или крепости – живому механизму со своими правилами и системой.

Виктор приблизился к жене и тоже положил руки на сосуд. Сердцебиение крепости участилось, засверкали вспышки. Теперь казалось, что в руках Володковских раскалённая

---

¹³ Prince, princesse – князь, княгиня (фр.)

лава и магма. Билось, дрожало, дышало ожившее сердце земли, сердце камня и железа.

За километры от поместья князей, далеко на юге, просыпалась ото сна крепость. Отваливался мох от кирпичей и камней, засверкали литым железом пушки на крепостной стене. По коридорам пронёсся тяжкий вздох, солдаты выбежали из казарм.

– Просыпается, родимая!

– Глядь, как задышала!

Крепость дышала. Она раскидывала во все стороны потоки ветра и сырой силы, как ребенок тянулась ко всему, что её интересовало, дотрагивалась порывами ветра до стен, шевелила волосы людей. Крепость выбирала себе хранителя.

В Лазурной зале замерли люди. Сердце налилось кровью, жилы на сосуде взбухли, напряглись.

Сосуд распался тысячами искр, красные и оранжевые, золотые, коричневые, они закружились в вальсе вокруг императора, четы Володковских и Червинских, обняли Марию, полетели дальше. Они кружили по зале в странном, древнем как мир танце, огибали гостей, распадалась на снопы и снова собирались в единый поток.

Александр стоял, не шевелясь, затаив дыхание и ждал.

Вот-вот... Я? Или нет? Другой?

В эту крепость он пришёл ещё мальчишкой, когда она была разрушена набегами степных племён. Видел своими глазами, как отстраивали заново башни, как чинили ворота и

копали глубокий ров. Вместе с солдатами падал замертво на топчан после тяжёлого трудового дня и вставал на следующий день.

Он видел, как росла эта крепость, помогал ей сделать первые шаги и теперь с замиранием сердца ждал её выбора.

Искры окружили его. От них шло ровное тепло, как от печи в холодный зимний день. Они льнули к рукам, ластились, забирались под воротник, ерошили волосы.

Со стороны казалось, что Александр превратился в сияющий сноп искр. Они проникали под кожу, впитывались в кровь, наполняя его силой.

Жар становился почти невыносимым, разгорался внутри Александра, казалось, он растекается по венам и вытравливает кровь, заполняя собой всё тело. Он стиснул зубы и терпел, чувствуя, как сердце крепости сплетается с его собственным.

Крепость выбрала его.

– Я не сомневался, что старший сын хранителей столицы сам станет сердцем крепости. Поздравляю вас.

– Благодарим, Ваше Императорское Высочество!

Александр стоял ошарашенный силой, свалившейся на него. Одно дело – готовиться к этому, и совсем другое – чувствовать.

– Поздравляю тебя, Александр! – Император улыбнулся молодому человеку. – Я рад, что у Творской крепости будет достойный хранитель. Однако подумай, крепость старая,

своенравная и только сейчас обрела хранителя. Тебе будет тяжело. Позволь дать тебе совет: присмотришь, может быть, найдется та, с кем ты разделишь жизнь и бремя.

– Благодарю Вас, Император, за Ваш совет, но в данный момент я...

– Ничего не говори, я всё понимаю. Я не тороплю, но прислушайся к моим словам.

Александр не стал спорить с монархом, и просто кивнул, хотя все равно каждый остался стоять на своем.

Император вскоре покинул бал, переговорив с ещё парой гостей.

Глава 5

Александр искал свою леди, но так и не смог её найти. Она будто растворилась в толпе гостей, как прекрасный призрак бала.

«Почему я вообще о ней думаю?» – Александр недоумевал, но при этом сердце было не на месте. Юная графиня понравилась ему, как бы он это ни отрицал. Впервые за двадцать восемь лет девушка оказалась настолько интересна ему, что он готов был говорить с ней ещё и ещё.

– André скажи, а ты не знаешь графа Алябьева? – В итоге молодой человек решил спросить у зятя, который знал всё и даже больше.

– Хм, Александр, задал ты мне задачку... Слышал что-то, а вот что... Кажется, он как-то связан со второй Северской кампанией. То ли капитан корабля, то ли командовал штурмовым отрядом... Не знаю, прости. А что? – Андрей хмурил светлые брови в размышлениях, пытаясь припомнить фамилию дворянского рода.

– Нет, ничего, просто слышал о нём где-то... У него вроде ещё и дочь есть.

– Вот уж про что не уверен, так это про дочь. Может, и вовсе сын.

– В том-то и дело, что дочь... – В том, что Ксения – де-

вушка, Александр был уверен. Вопрос в том, Алябьева ли она? И где находится их поместье?

В том, что он хочет найти её, молодой человек тоже был уверен.

Глава 6

Конь хрипел и задыхался под всадником, нещадно понукавшим его. Полы дорожного плаща запылились, во всей фигуре человека читалась усталость, но он продолжал гнать лошаадь.

Впереди показалась крепость. Старая и обветшалая, она была как угасающая свеча, на конце фитиля которой ещё теплилось пламя. Серые стены покрылись мхом и лишайником, черепица на башнях тускло сверкала в лучах заходящего солнца. Западная башня покосилась, угрожающе накренившись вниз.

Вот-вот начнут поднимать мост. Всадник прищпоривает коня ещё сильнее и тот, как стрела, над которой только что тренькнула тетива, несётся вперед.

Уже скрипели старые, давно не смазанные цепи, когда копыта скакуна прогрохотали по деревянному настилу.

Всадник проскакал черед двор крепости и спешил к конюшни. Перебросив поводья подоспевшему мальчишке, человек одернул капюшон и поспешил к двери на заднем дворе, что вела внутрь замка.

Войдя, свернул в боковой коридор, а после – открыл неприметную дверь. Неслышно притворил её и откинул капюшон.

Сняв пропылившийся плащ, Ксения пообещала себе, что обязательно попросит прачку выстирать его. Не сейчас, чуть позже.

Оглядевшись, она уверенно подошла к стене и нажала известную лишь ей одной комбинацию. Скрипнул старый шкаф в углу. Ксения открыла дверцу и увидела, как нехотя задняя стенка отошла в сторону. Чихнув от пыли, она пробралась внутрь и заставила стенку вернуться на место.

Пробираясь и протискиваясь по тайным ходам крепости, Ксения прокручивала в голове разговор с дядей, бароном Старицким.

– Нет уж, Ксения. Мы с твоим отцом в одно время славно повздорили, и я поклялся, что не подам ему руки, что бы ни случилось. Так что, *chérie*¹⁴, извиняй, как говорится. Раньше батюшке твоему думать нужно было!

Таким образом, помощи от дядьки не дожждаться.

Оказавшись перед обветшалой дверью, она налегла на неё плечом и вставила ключ в замочную скважину. С третьей попытки он повернулся, и дверь заскрипела петлями.

Попав в дальнее крыло, она прошла через залу. Когда-то прекрасная, она теперь могла блеснуть лишь остатками былой роскоши. Запылились некогда сверкавшие люстры, зеркала потускнели, а паркет скрипел под ногами.

Выглянув на улицу, Ксения быстро перешла к флигелю, стоявшему близко к крепостной стене.

---

¹⁴ *Chérie* – голубушка (фр.)

Взбежала по маленькой лестнице, дёрнула верёвку колокольчика и прислонилась к перилам. Сказывались ночь и день в седле – спать хотелось невероятно. Болела спина и колени, но она старалась не подавать виду.

– Ксения! Вернулись, матушка-графиня! – Дверь флигелька распахнулась, и на пороге показался старичок. Сухонький и маленький, он радостно улыбался и вытирал платочком слезящиеся глаза, выцветшие от старости.

– Вернулась, дядька Петрим, вернулась. Как ты? Спина не мучает?

– Не мучает, матушка, твоими стараниями. Как ту мазь заморскую привезла, так сразу как рукой сняло.

– Хорошо...

– Ты лучше расскажи, – старичок посерьёзnel, – что там, в столице? Дядька? Не стой на пороге, проходи.

Ксения прошла внутрь, сняла сапоги и устало присела на табурет.

– Плохо всё, дядь Петрим. Никто помочь не сможет, дядька обиду на отца держит, что того крепость выбрала, меня знать не хочет. Помощи от него не дождёмся.

– Да уж, Ксения Васильна, новости нерадостные... Управляющего тебе нужно, грамотного. Сама нанять – не наймёшь, проходимцев-то полно... А родственнички все вон как.

– Эх, дядь Петрим, что же делать?

– Не знаю, матушка, что и подсказать. Мужики в крепости

буйные – головы лихие, просто так слушать не станут. Да и меня тоже не любят – колдуном почитают, сама знаешь. Отец твой как помер, царствие ему небесное, так и от рук отбились все.

– Знаю, дядька, знаю. Был бы у отца сын...

– Ну, на себя тоже наговаривать грех. Отец твой, покойный Василь Гаврилыч, как тебя уж любил. Души не чаял!

– Да только крепость на меня оставить не получилось. Выматывает дух меня, дядька, гнетёт. А без него – недели не протяну.

– Ситуёвина у нас, Ксения Васильна. Ну, ничего-ничего, вот погоду немного. Глядишь, вернётся с похода заморского Антип, так уж и крестьян приструнит. И ты спокойнее, привольнее вздохнёшь, и разберёмся во всём. Потерпеть немного нужно.

– Потерпим, дядь Петрим. Главное, буйны головы сдерживать до поры. А то как пойдёт гулять бунт народный, так словами не отделаемся. Потому и говорю, был бы у отца сын... Будь хоть три образования у меня, хоть десять – а слушать никто не хочет.

– Ладно, матушка, не горюй. Где наша не пропадала! Ты вот ещё что скажи, видела машины свои в столице?

– Не видела, дядька, а вот с человеком умным говорила. Кнесь Александр мне пару принципов объяснил, теперь, может, работа сдвинется. Жалко, с папой не посоветоваться...

В глазах молодой девушки сверкнули слёзы, и она быстро

утёрла их рукавом дорожного костюма. Не время раскисать. Тут, того и гляди, бунт будет. Как на пороховой бочке сидят – лишь бы не рвануло. Одна надежда – либо Антип, старый друг отца, живой вернётся, либо машину соберёт она – тогда уж точно к провинции их внимание столицы обратится. Тогда и бунта не будет – заботятся крестьяне. А пока лишь Бог им судья. До царя – далеко, до неба – высоко. А им здесь выстоять нужно.

Глава 7

Утро встретило Ксению выкриками под окнами. Вскочив с кровати, она аккуратно приблизилась к окну. Прижалась лопатками к холодной стене, выдохнула. Нужно выглянуть наружу и узнать, в чём дело.

«Опять камин погас посреди ночи...» – подумалось Ксении. Шершавый камень стены был ледяным, а непрогретый пол охлаждал босые ноги.

Придвинувшись к оконному проёму, она скосила глаза. Мало ли, что там за шум. Бережёную Боги берегут – так говорил отец, и у Ксении нет ни малейшей причины ему не верить.

Во дворе крепости собрались крестьяне. Графиня нахмурилась – в центре толпы на бочке стоял главный смутьян – кузнец Клим. Он что-то выкрикивал в толпу, у Ксении зашумело в ушах, и она не сразу сообразила – поднялся бунт. Случилось то, чего она так боялась. Часами молилась у иконостаса Богине-матери, чтобы уберегла, избавила от беды. Ну что ж, выходит – на Богов надейся, а сам не плошай, так тоже любил говорить отец.

Ксения оттолкнулась от стены, кинулась к сундуку. Достала сложенные вещи, надела рубаху – вышитую, с виду – женскую, но короткую, как у мужчин. Нашла на дне сундука

штаны – немного мяты, но ничего, выбора нет. Достала юбку, пристегнула поверх штанов, проверила крепления – снять будет легко. Кто знает, что будет дальше. Под юбку прикрепила ножны с кинжалом. Удобные ботинки, сбоку вставить в потайные ножны skin ду – его привёз дядька Антип из заграничного похода. Волосы подобрать. На палец – кольцо. По краю идёт гравировка – «Jamás te rindas, pase lo que pase»¹⁵ – мамино.

Живя бок о бок с Иберами, отец давно выучил их язык и научил ему свою дочь. Мать Ксении была Иберийской дворянкой, красивой и неприступной. Отец добивался её внимания долгих три года, прежде чем смог пригласить её на свидание. И даже тогда она не принимала его предложение.

Но стоило ей полюбить упорного графа, не было человека вернее и добрее, чем гордая Луиза де Карраско.

К сожалению, мать Ксении умерла, когда малышке исполнилось пять лет. В то время бушевала чума, и приграничный городок захватило эпидемией.

Отец, Василий Алябьев, долго горевал по жене, но маленькая дочка заставила его продолжать свой жизненный путь. Все свои силы он посвящал маленькой Ксюше, читал ей книги, учил, как не потеряться в лесу и развести костёр. Этикет, танцы, математика, стихосложение – всё, что положено знать молодой леди отец или рассказывал сам, или ис-

---

¹⁵ Jamás te rindas, pase lo que pase – никогда не сдавайся, что бы ни происходило (исп.)

кал учителей. Так уже к одиннадцати годам девочка говорила на иберийском, галльском, франкском – конечно, на иберийском лучше всего.

Когда Ксении исполнилось тринадцать, им пришлось переехать в Маретинскую крепость, которая выбрала отца своим хранителем. Сейчас юной графине было двадцать лет, и за семь лет она так и не почувствовала себя в крепости как дома. Жившая до этого на юге девочка не привыкла к суровому климату севера, к долгой зиме и вечным тучам...

Год назад дядька Антип уехал в поход, да пока не вернулся... Отец умер полгода назад, сгорел в несколько дней от лихорадки. С тех пор в крепости стало ещё опаснее – крестьяне не воспринимали двадцатилетнюю девчущку всерьёз, морозы зимой побили деревья, долго сходил снег с полей – в итоге, призрак голода хоть и не протягивал к ним костлявые лапы, но мерещился пока нереальной, а всё же угрозой.

Несколько лет назад Ксении пришлось стать сердцем Маретинской крепости. Отец совсем ослаб, а больше никого подходящего крепость не смогла выбрать. Но она не чувствовала себя как защищённой, всё равно эти места оставались чужими юной графине.

И вот сегодня, в этот день, когда небо затянуто серыми, низкими тучами, набрякшими дождевой влагой, в крепости поднялся бунт.

Одёрнув ещё раз юбку, девушка поспешила вниз.

Выйдя во двор замка, она прислушалась к тому, что гром-

ко вещал Клим с бочки, размахивая пудовым кулачищем.

– А она, дочка евонная, вовсе нам не указ! Што барышня понимает! Шитьё одно у неё на уме должно быть, да детишки, а тудыть-растудыть – крепостью управлять вздумала! Мы сами с усами, сами как лучше знаем. Вот пойдём, с Еремеем да Якимом, сыном Митрофановым в город-столицу завтрава, да потребуем, значица, всё, что нам, народу, причитается! И платить больше не будем – мы здесь, на земле, что нам платить им, городским?

– А случись неурожай великий, да голод, что ты будешь делать, Клим? – Подала Ксения голос. Она говорила тихо, да везде слышно было голос сердца крепости. – Мы затем налог платим, чтоб в годину лихую помощь нам была. И то, после последней кампании военной платим меньше – крепость оборонная, поблажки нам сделали. Грешно недовольными быть!

– Грешно? Где ж? Вот в этом году, неурожай, а помощь где? Нетути! Так что ты не указывай нам, сами знаем, как нужно! Чай, не первый год живём!

– Прощение подать нужно. Как подадим – так и помощь будет.

Народ зашумел. Но Клим, при всей своей склочности и неуёмном характере имел одно, всего одно маленькое превосходство над Ксенией. Он был мужчиной.

И это решило всё. Одна фраза, брошенная вскользь – «Да что ж, вами, мужиками, девка командует!» – и всё. Вспых-

нуло восстание по новой, заиграла кровь ретивая в жилах у народа.

– Что ж вы, окаянные, делаете! – Вышел во двор старик Петрим. – Вы ж на матушку нашу, на сердце крепости рот раскрыли! Грешно, осердится Богиня-мать, так всех заденет местью за дитя своё! Одумайтесь!

– Это ты, старик, думай, что несёшь! А то живо тебя, как колдуна, осудим! Стар ты больно, да языкат!

Петрим схватился за сердце, Ксения во все глаза смотрела на толпу, распалявшуюся всё сильнее и сильнее.

Мужики уже не обращали на неё внимания, бунт полыхал всюду. Незаметно отступив, она подхватила дядьку Петрима под руку и направилась к флигельку.

Нужно подумать, что она может сделать. Потому что сейчас помочь некому, всё придется делать самой. Можно только спросить совета, чтобы не нарубить дров сгоряча.

Спешка никого ещё до добра не доводила.

Глава 8

Александр хмурил брови. Солнце слепило немилосердно, покрывая пол островками желтого цвета. На синем небе ни облачка – красота.

Император оказался прав. Творская крепость – большая и древняя, давила своим сердцем, которое, казалось, готово было пробить грудную клетку, немилосердно стучало и билось в оковах рёбер.

Но нельзя было не признать, что с появлением духа крепость преобразилась. Стала будто светлее, *aérienne*¹⁶, как сказала бы сестра Лена.

Из головы всё не шла графиня с бала – настолько умной собеседницы он ещё не встречал. Володковский гнал от себя мысли о ней, загрузил себя работой – но всё равно, девушка нет-нет, да и всплывала в памяти.

А как она танцевала! Легко, будто пёрышко кружила по зале, безукоризненно и грациозно выписывая все па.

И так эта эфемерность легкомысленной феи не вязалась с её взрослыми выводами, с тем запасом слов, лексиконом, умением рассуждать...

Александр трудно было признать, но он всё больше скло-

---

¹⁶ *Aérienne* – воздушнее (фр.)

нялся к мысли, что влюбился. Вот так просто – с первого взгляда, с пары слов – она заняла его голову, заставила думать о себе.

Он не мог забыть, насколько хрупкой и маленькой была её ладонь в его руке – будто игрушечная – страшно взять, вдруж сломаешь неосторожным движением!

Поняв, что так просто юная графиня не покинет его мысли, он начал планомерно просматривать родословные графских родов страны.

Алябьевы...

Был Степан Алябьев – но он не подходил, так как погиб полвека назад в Ост-Вирской кампании.

Алтуфьевы, Арсеньевы...

Алябин? Нет, не то...

Шелестели страницы, он до боли вглядывался в выцветшие чернильные буквы. Желтые листы едва не рассыпались от старости, мать качала головой – он разрывался между крепостью и архивами, стремясь найти Ксению.

Алябьев Василий...

Уже ближе – что про него написано?

Все дворяне были обязаны подавать записки о рождении детей в архив – чтобы все родословные были указаны в точности.

Однако нужно сообщить императору, что последние лет сорок в архиве явно творится невесть что!

Так и не найдёшь никаких родных-близких, всё запутано.

Chaos, désordre¹⁷!

Александр мог собой гордиться – он нашёл свою пропажу. Красавица-графиня, Ксения Алябьева, была дочкой графа Василия Алябьева и Луизы Алябьевой – в девичестве де Карраско.

Итак, род найден, остаётся надеяться, что Ксения – именно та самая Ксения Алябьева.

Где же она может находиться?

Пришлось напрячься ещё – поспрашивать людей, что они знают об этой девушке.

В крепости жил один старый солдат – Никола Рябой. Сражатель многих кампаний, почти ослепший от дыма и гари, он кашлял и хромал, казалось, на обе ноги и пользовался небывалым авторитетом в гарнизоне.

Александр сам многому научился у старика, и теперь, в надежде узнать хоть что-то, спросил у него про графа Алябьева с дочкой.

Как оказалось, не зря. Никола сам лично Алябьева не знал, да вот говорили солдаты, что в Северной кампании он вывел из-под обстрела своих солдат, так ещё и бил неприятеля весьма успешно.

А вот уже во время последнего похода, лет семь назад, столкнулся он с Антипом Меженским. Человеком добрым, дворянином честным – но бедным до крайности. И вот уже этот Антип рассказал про то, что ждут его друг старинный

---

¹⁷ Chaos, désordre – хаос, беспорядок (фр.)

с дочкой в гости. Друг – граф настоящий, Алябьев Василий, а дочка – то ли Ксения, то ли Оксана, то ли вовсе Аксинья. Кто ж разберёт теперь – столько лет прошло.

– А где ждали-то его? Не сказал он тебе, Никола Власьевич, куда направляется?

– А черт знает его! Ранили его тогда, может, вовсе чушь какую нёс. Одно твердил – на север, на север. Сердце крепости, слышишь! Вы поглядите, какие у нас на севере крепости есть, Ваш Сиятельство.

– Спасибо, дедушка, спасибо! Век не забуду!

Круг поиска значительно сузился. На севере было несколько крепостей, и всего у трёх было сердце – Маретинской, Литской да Остожской.

Ну что ж, беглянка-Ксения, скоро свидимся!

В том, что он найдёт её, Александр не сомневался ни минуты. Найдёт, да зашлёт сватов!

А что? Идея-то неплохая...

Очень даже неплохая идея!

Глава 9

Проснулся Александр от громкого лая крепостных собак.

Рано – часа четыре утра. И кому потребовалось в гости приехать в столь необычное время?

Во дворе заржала лошадь, слышались голоса.

Александр выглянул в окно, широко распахнутое по случаю жары. Посыльный отца спешил, передавая поводья конюхам. По брусчатке нетерпеливо стучали копыта разогряченного скачкой жеребца.

Володковский быстро оделся и поспешил вниз.

– Александр Викторович, Вам батюшка просил письмо передать и без промедления выдвинуться! – Подскочил к нему запыхавшийся гонец. Совсем мальчишка, лет тринадцати – уставший и чумазый, наверняка, гнал лошадь без отдыха... Рыжие волосы спутались, из-под лохматой чёлки сверкали глазищи.

– Давай письмо, да отдохни. Голодный?

– Да... То есть, никак нет, Ваше сиятельство!

– Беги на кухню, тебе молока нальют, да пирог дадут.

Мальчишка радостно улыбнулся, поклонился и ускакал – точно, голодный.

Отец писал о нерадостных новостях:

«Восстание... Доверено важное поручение... Разобрать-

ся... Подавить выступление...

Немедленно...

Надеемся на быстрый успех... Назначить управляющего, оставить доверенных лиц...»

В одном из северных регионов вспыхнул бунт. Поэтому Александр с полком направлялся в Маретинскую крепость – очаг восстания.

«Надеюсь, она не там. Богиня-мать, пусть она будет в порядке!» – Взмолился Володковский. Он прекрасно знал, что в первую очередь в таком бунте, бессмысленном и беспощадном, пострадает сердце крепости и все его близкие.

– Мы выезжаем вечером! Полная готовность!

Нужно поспешить.

Глава 10

Ксения чувствовала небывалую слабость. Бунт вспыхнул и продолжался, на неё уже не обращали внимания – и она благодарила судьбу за то, что о ней забыли.

Вместе с бунтом утекали из её крови силы сердца крепости. Капля по капле, ниточка за ниточкой...

Легенда о Сонской крепости оказалась правдой. Восстание лишает хранителя крепости сил – это Ксения чувствовала прекрасно.

Вместе с силами сердца утекали и её собственные – не зря говорилось, что по дару и плата. Крепости по-разному могли отпускать своих хранителей. Кого – легко и безболезненно, кого – долго и мучительно.

Маретинская крепость словно мстила Ксении за то, что девушка так и не смогла полюбить это место. Она выпивала её досуха.

Графиня грустно улыбнулась – за свой непрошенный дар она, судя по всему, заплатит кровью.

Петрим тревожно на неё посматривал, поил бульоном, да каждые полчаса опускал сухую сморщенную ладонь ей на лоб – проверял, есть ли жар. И хмурился, потому что жара-то как раз и не было, а вот сгорала Ксения в пламени холодном, и мёрзла. Мёрзла, проклиная север и его стылые ветра, вспо-

миная родной городок, близ Иберии.

– Там солнце ласковое, дядька Петрим... И птицы, круглый год птицы. А здесь, разве хоть одна есть? Нет, ни одной! Pequeños pajaritos, de colores¹⁸... De Colores son los pajarillos que vienen de afuera, de Colores, de Colores es el arco iris que vemos lucir...¹⁹ – Она пела и смеялась хриплым голосом, кашляла, сбивалась и снова пела, путаясь в словах, поправляясь и снова сбиваясь...

– Бредит! – Испуганно прошептал Петрим. – Сгорает, свечка, без пламени горит...

И вывезти бы её из крепости подальше, чтобы разорвать связь, чтобы не тянула земля чуждая графине силы из неё – да некому. Сам Петрим слаб, а больше никого – сиротинушка – горько плакал старик.

Во дворе замка послышалась ругань крестьян. Отблески факелов расцветили тьму ночи, гул голосов ворвался в крепость.

Петрим перекрестился и пошёл смотреть, кого принесла нелёгкая.

Двор полнился людьми. Пешие и конные – занимали место солдаты. Ругался Клим, закованный и связанный. Рядом потрясал вилами Яким – и того повалили. Испуганно заго-

---

¹⁸ Pequeños pajaritos, de colores – маленькие птички, разноцветные (фр.)

¹⁹ De Colores son los pajarillos que vienen de afuera, de Colores, de Colores es el arco iris que vemos lucir – из цветов, из цветов – птицы, которые приходят извне. из цветов, из цветов – радуга, которую мы видим (исп.)

лосили жёны бунтовщиков, где-то залаяла собака.

Александр осматривал двор, чуть привстав в стременах. Люди огибали его коня на почтительном расстоянии, никто не осмеливался подойти к нему. Черный лоснящийся гигант – около двух метров в холке – отпугивал всех любопытных. Не конь – зверь, уважительно говорили в гарнизоне, тоже десятой дорогой обходя княжеского Раймонда.

Конь всхрапнул, нетерпеливо переступил пудовыми копытами.

– Ну-ну, тише Ромка, тише... – Андрей Червинский смеялся до слёз, услышав домашнюю кличку победителя всех соревнований по конкуру, а Александр лишь улыбался, лохматя длинную гриву скакуна. – Лучше тоже смотри в оба...

Александр принял решение совместить поиски Ксении с заданием отца, раз уж так сложилось, что очаг мятежа – одна из крепостей с сердцем.

Вихрем промчался он с полком по северному региону, успокаивая бунтовщиков и отправляя смутьянов под суд в столицу.

Крестьяне, не ожидавшие войска, сдавались под натиском. Володковский мог собой гордиться – подавление мятежа прошло без лишних жертв, виновные ожидали суда. Оставалось лишь разобраться с Маретинской крепостью, да дождаться управляющего – отставного генерала из знакомых отца, человека справедливого и преданного короне.

Крепость оказалась старой и обветшалой. Пыльные кори-

доры, тусклые стёкла окон. А самое главное – лёгкий отпечаток безжизненности, свидетельствующий о том, что у этой крепости больше нет сердца.

– Что же случилось с тобой, хранитель? Где же тебя искать...

Александр зашёл в часовню, высушенные доски заскрипели под тяжёлыми сапогами. Холодный северный ветер шевелил распахнутые ставни, отовсюду веяло запустением. Иконостас оказался на удивление чистым, будто кто-то заботливо стряхнул пыль и протёр иконы.

С древних святынь на Володковского укоризненно смотрели Боги. Ищи, князь, ищи хранителя крепости, пока не стало поздно.

На улице начинало светать. Шум умолк, только всхлипывал посреди двора маленький ребёнок.

– Ты чей, малой? – подошёл к мальчику Алёшка, молодой солдат из полка Александра.

– Еремеевский сын, Илька, – хныкал малыш.

– Где батька-то твой?

– На конюшне... А там люди, чужие – заревел пуще прежнего мальчонка.

– Ну, не реви, не реви. Пошли-ка, не бойся. Найдём папку твоего. – С этими словами Алёшка подхватил Ильку на руки и потащил к конюшням, откуда и вправду слышались голоса.

Александр улыбнулся и кивнул своим мыслям. Хорошие у него ребята в полку, новички – и те молодцы.

Так и не сомкнув глаз, он расспрашивал смутьян про то, как они решились на бунт, чего им не хватало.

Сердцем крепости оказалась Ксения. Бунтовщики притихли, заслышав, что сами милость богов отвергли – лишились духа-защитника.

– Повторяю вопрос. Где она?! – Александр уже терял терпение. Второй час никто не мог сказать ничего путного про то, куда делась графская дочка.

Володковский вышел во двор и столкнулся со старичком, маленьким, сухоньким дедушкой, подслеповато щурившимся на тусклое северное солнце.

– Отец, ты тоже не знаешь, куда Ксения Алябьева делась? Графская дочка?

Старичок окинул взглядом молодого человека, подбоченился.

– Ваше благородие, а Вы, кто будете?

– Князь Володковский, – Александр нахмурился, – скажи, отец, где сердце крепости?

– Володковский... – Дядька Петрим пытался припомнить, где же он слышал эту фамилию... Недавно слышал.

А уж не про него ли Ксения Васильна говорила? Не с ним ли на балу плясала душенька-графинечка?

– Плохо ей, Ваша светлость, ох, плохо как. Дар-то теряет девица, а крепость не пускает её. Кровь всю выпивает, живьем сжирает недуг.

– Что?! Веди!

Петрим, здраво рассудив, что хуже уже не будет, отвёл князя в свой флигелёк. Там, полусидя в кровати, бредила графиня Алябьева.

– Ксения! – Александр кинулся к девушке, соображая, чем он может помочь.

– Кнесь? – Голос девушки был слаб, как дуновение ветерка. Графиня похудела, одни лишь огромные серые глаза выделялись на осунувшемся бледном, как лист бумаги лице. По виску стекала капля испарины, руки Ксении дрожали.

– Это я, графинюшка. Дай руку!

Взяв девушку за руку, Александр попробовал влить в неё хоть каплю тех искр, что сидели под кожей, сжигая кровь.

Рука Алябьевой была холодная как лёд.

«Я сгораю от силы сердца, а она замерзает без неё. Должно получиться!» – Александр зажмурился, сжимая руки девушки, и молился всем Богам сразу, чтобы получилось передать хоть кроху пламени, бушевавшего в его грудной клетке.

Искры рвались на свободу, змеились по рукам, выступая над кожей. Петрим отшатнулся – князь напоминал столб живого пламени, и этот огонь переходил к графине, капля по капле вливая в неё силу.

Когда всё, наконец, закончилось, девушка спала спокойным сном человека, идущего на поправку.

– Я перенесу её в замок, нужно будет разжечь камин и пригласить лекаря. – Александр пристально посмотрел на старика.

– Хорошо, Ваше сиятельство, спасибо Вам! – Старик даже прослезился. За те семь лет, что жила Ксения в крепости, она стала ему как внучка, которой у него никогда не было.

– Скоро приедет новый управляющий, из столицы. Я скажу ему, чтобы советовался во всём с тобой. Вижу, что ты, отец, знаешь эту крепость лучше, чем кто бы то ни было.

Сказав это, Александр подхватил спящую графиню на руки и двинулся наружу. Обещали к утру подготовить покои – в них-то он и определит больную.

Глава 11

Проснувшись, Ксения чувствовала себя на удивление хорошо. Тело не ломило, а туман, поселившийся в голове из-за болезни, ушёл.

Она открыла глаза и огляделась. Странно – засыпала она вроде у Петрима, а проснулась не во флигельке, а в одних из покоев в крепости.

Ярко горел камин, окно было плотно закрыто. Впервые за долгое время Ксения чувствовала, что согрелась. Она была укрыта толстым одеялом, рядом на прикроватном столике стоял стакан воды и какая-то микстура.

Рядом с кроватью стояло пустое кресло.

Графиня села, поправила волосы, которые кто-то заботливо причесал и заплел в косу.

Дверь открылась и в комнату вошла Фрося – молодая девушка, помогавшая поварихе на кухне.

– Ой, Ваше Сиятельство, проснулись? – Пропищала она.

– Да, Фрось... Скажи, почему я здесь.

– Ой, а то Сиятельство, который князь, приехал, как налетели с полком, а Клим-то... – Зататорила девушка.

– Стой! Вдох-выдох! Расскажи тихо, медленно, по порядку. Кто приехал? Что с бунтовщиками? Почему я здесь?

– Ваше сиятельство, я же и говорю... – Уже спокойнее

продолжила Фрося, явно сдерживая себя, чтобы снова не сорваться на писк и скороговорку. – Приехал ночью, день назад, князь Володковский с полком. Они всех бунтовщиков повязали, часть в столицу отослали, вместе с Климом. Порядок везде навели, а потом князь Вас на руках из флигеля вынес. Сюда принёс, позвал нас. Ужо мы Вас с Палашкой переодели, уложили, он лекаря привёз. Вы просыпались даже ненадолго, микстуру пили какую-то. А потом снова заснули. Он в кресле у кровати сидел, а сейчас ушёл – приехал кто-то из столицы. Говорят, управляющий новый будет. И злой такой он был, гонял всех, а еще письмо императору самому отправил. Говорят, что злился потому, что бунта может быть и не было бы, если бы кто-то там, – на этом моменте Фрося закатила глаза наверх и ткнула пальцем в потолок, – выслушал бы Вас раньше. Так и сказал: «головы полетят». О как!

Ксения выслушала всё, и задумалась. Выходит, Александр был не бредом – он действительно приходил во флигель.

Второе – она, похоже, здорова.

Третье – исполнилось то, чего она ждала. У крепости будет управляющий, которого уж точно мужики послушают.

На этом хорошие новости заканчивались, потому как теперь ей нечего делать в крепости. Она больше не сердце – сила вся вышла вместе с болезнью, это Ксения чувствовала прекрасно.

Остаться здесь? Точно нет! В этом месте она не прижилась с самого начала, так не стоит и задерживаться.

Возвращаться в родной город? А кто там её ждет?

Развалины отчего дома? Горожане, уже и позабывшие, что была такая Ксения Алябьева?

Она одна на всём свете, как перст. *Arbre dans le champ*²⁰!

Ксения встала, оделась – не без помощи Фроси, сама она ещё была слаба. Посмотрев в зеркало, ужаснулась худобе и бледности. Графиня никогда не отличалась загаром, но теперь из-за поверхности стекла на неё смотрела не просто белокожая, а белая как мел девушка.

Сев на застеленную кровать, бездумно посмотрела на свои руки. Что делать?

Дверь открылась, на пороге показался князь Александр.

– Кнесь! – Воскликнула Ксения, попытавшись присесть в реверансе. Ноги подкосились, и не упала она лишь благодаря тому, что её поддержал Володковский.

– Графиня, рад видеть Вас в добром здравии! Не нужно, сидите, сидите. Скажите лучше, как Вы себя чувствуете? – Александр усадил её обратно на покрывало и выглянул в окно, чуть отодвинув гардину. Во дворе один из офицеров командовал отрядом солдат, вычищающих обломки деревянных балок, камни и стекло, оставшиеся после разгула бунтовщиков.

– Уже лучше, кнесь. Спасибо Вам, Вы спасли меня! – Ксения благодарно улыбнулась Володковскому.

– Всегда пожалуйста леди! – Александр сел в кресло у

---

²⁰ *Arbre dans le champ* – деревце в поле (фр.)

кровати, разглядывая графиню. Под пристальным взглядом девушка чуть смутилась.

«Для тебя, amour²¹, всё, что угодно. Но лучше, если спасти тебя нужно будет реже – тогда ты реже будешь рисковать собой» – подумал Александр.

– Скажите, кнесь, уже прибыл новый управляющий? Что будет с бунтовщиками? – Хоть крепость и не стала для девушки домом, судьба людей, с которыми бок о бок она прожила несколько лет, была ей небезразлична.

– Управляющий уже здесь, его вводит в курс дела Петрим. Удивительный человек – Дмитрию, новому коменданту, повезло, что в крепости есть такие люди. Бунтовщики отправлены в столицу, судить их будут по всей строгости закона. – В глазах Александра блеснул лёд. – Скажите, Ксения Васильевна, что Вы планируете делать дальше?

– Если честно, князь, я в замешательстве. Не знаю. Возможно, отправлюсь в родные места. Я родилась на юге, в городке Красеньевске, близ Иберийской границы. – Ксения постаралась, чтобы голос не дрожал, и распрямила плечи, пытаясь казаться уверенной в своих словах.

– Ваши родственники, полагаю, будут Вам рады. – Александр думал, что там её ждут бабушка с дедушкой, родители матери, Луизы. Про их судьбу он не успел ничего выяснить.

– К сожалению, кнесь, я круглая сирота. Из родственников у меня остался только дядя по отцовской линии – но он,

---

²¹ Amour – любовь (фр.)

увы, не хочет меня знать. Я думала просто навестить отчий дом. А дальше... *Qui vivra verra*²².

– Графиня, я хотел бы пригласить Вас погостить в Творской крепости. Пока Вы ещё слабы, а здесь вряд ли смогут обеспечить должный уход – далеко от столицы, да и Маретинская крепость разваливается – нужен капитальный ремонт. – Александр постарался расписать всю необходимость поездки, аккуратно подбирая слова.

– Кнесь, мне, право слово, неудобно... – Ксения не знала, как вежливо намекнуть, что быть нахлебницей и приживалкой её не то, что не хочется – противно.

– Графиня, я хочу сказать честно. Я влюбился в Вас ещё на балу, вы покорили меня своим умом и красотой. Сейчас же вы поразили меня самоотверженностью и смелостью – не каждый человек сможет взвалить на себя бремя сердца в девятнадцать лет. Я предлагаю Вам посетить Творскую крепость в качестве моей невесты.

«Один раз я уже упустил тебя, больше я такой ошибки не сделаю... Теперь-то я уже понял, что люблю тебя» – Пронеслось в голове Володковского.

---

²² *Qui vivra verra* – поживем – увидим (фр.)

Глава 12

Ксения растерянно посмотрела на князя. Такого развития событий она не ожидала, не могла даже предположить. Странные чувства смешивались в душе молодой девушки, чувства, которым она не могла дать определённого названия.

Волнение? Определённо. Смушение, смятение? Тоже да. В голове проносились тысячи мыслей, и ни одной нужной.

«За что? Я ему понравилась? Чем? Боги, я же бледная сижу... И платье не подходящее... Согласиться? Как же хочется сказать "да"... А как сказать? Он такой... Такой... Какой, такой? Соберитесь, Ксения Васильевна! Тоже мне, растаяла! Соберись и откажи князю. Потому что так нельзя. Ты – никто, без дома, без родни. А он – наследник хранителей столицы...»

Александр не знал о мысленных метаниях девушки, но предполагал, что сейчас ему придётся постараться, чтобы она согласилась...

– Кнесь, – начала Ксения, – Ваше предложение – большая неожиданность для меня, не скрою, мне очень приятно было услышать его, и... – Тут графиня Алябьева запнулась, подбирая слова, чем и воспользовался князь.

– Графиня! Я безмерно рад тому, что Вы согласны! – Тут Александр чуть покривил душой, ведь, формально, слова

окончательного согласия не прозвучали, а значит, Ксения, скорее всего, хотела отказать. Нужно было срочно перевести тему, будучи хорошим стратегом, Александр понимал это. И решил, не теряя времени, идти в наступление по всем фронтам.

– Ксения Васильевна, мои люди в дальних помещениях обнаружили мастерскую – я полагаю, Вашу и Вашего батюшки? Мы пока ничего не трогали: хотелось бы услышать, что Вы планируете забирать, а что хотите оставить. Только меня всё же терзают сомнения по поводу верности расчётов: мощность на валу, по моему мнению, должно быть больше, чем мощность, определяемая работой пара в цилиндре, разве не так?

Ксения, не успевшая договорить: «и всё же я не могу ответить согласием», лишь хлопала глазами. Такой стремительный переход сбил графиню, и теперь она размышляла, как перейти обратно к волнующей её теме. По этикету выходило, что никак – будет невежливо. Вопрос паровых машин задел девушку за живое, и она вмиг позабыла обо всём остальном.

– Как? Подождите, кнесь, при всём моем уважении, вы не правы – индикаторная мощность паровой машины больше эффективной, следовательно, того, что вы говорите, быть не может!

Александр мысленно улыбнулся – отвлекающий маневр сработал как нужно, уводя Ксению от темы брака в дебри технических рассуждений.

Они проспорили до самого обеда, отыскав бумагу и чернила, чиркали формулы и зарисовывали схемы – Володковский, не стесняясь, любовался чуть раскрасневшейся от дебатов графиней, сверкающей глазами и грозно тычущей пальцем, уже покрытым маленькими чернильными пятнышками, в очередную цифру, которую он вывел идеально-ровным почерком. Строки Володковского проходили как по линейке, буквы стояли прямо. У самой Ксении почерк был кругленький, маленький, с большим расстоянием между буквами.

Обед Ксении принесли в комнату, аргументировав это тем, что лучше лишний раз не напрягаться. При этом Володковский выглядел несколько виновато, уже понимая, что спор – не лучшее времяпрепровождение для больной.

После того, как Алябьева перекусила куриным бульоном с покрошенным в него яйцом, Александр пригласил врача, а сам отправился разыскивать нового управляющего, чтобы разузнать у него, как обстоят дела.

Доктор, явно прибывший с полком, оказался мужчиной лет сорока пяти-пятидесяти, с цепким взглядом, который, казалось, подмечал все, даже самые незначительные детали. Седина уже прокралась в когда-то черные, смоляные кудри врача, а сильные сухие пальцы неожиданно бережно сжимали запястье графини, измеряя пульс.

– Неплохо-с, Ваше сиятельство, неплохо-с. Восстанавливаетесь намного быстрее, чем я мог бы предположить. Через

недельку уже здоровы-с будете, Ксения Васильевна!

– Спасибо, доктор!

– Ну-ну, Ваше Сиятельство, рано меня ещё благодарить. Сейчас я Вам рекомендации напишу-с... А вот и его Сиятельство князь Александр вернули-с.

Александр, действительно, коротко постучал и остался за дверью, ожидая разрешения войти.

– Входите, – разрешила Ксения, и приняла из рук доктора ложку микстуры.

Александр вошел в комнату, высокий и надёжный, как скала. В тёмных глазах застыл немой вопрос.

– Всё в порядке-с, Ваше сиятельство, выздоравливает Ксения Васильевна. Только вот в крепости ей оставаться нельзя – дух силы потихоньку будет тянуть. Лучше уехать куда-нибудь подальше, на юг-с, к примеру. Восстановление пошло бы лучше, будь у её Сиятельства постоянная подпитка силой, но тут уж вы сами решить-с должны. За сим позвольте откланяться.

Врач оставил на прикроватном столике склянку с микстурой и листок, исписанный распорядком принятия лекарств. Ксения взяла его в руки и пробежалась глазами по строкам. Микстура, отвар овса с молоком и мёдом или ржаной кисель – это понятно. Поморщилась, видя в списке рыбий жир.

От листка ещё тянет специфическим запахом доктора – травами, микстурами, чистотой и немного бинтами.

Александр подходит ближе, заглядывает в листок. Ксения

протягивает рецепт Володковскому и усаживается, опираясь спиной на подушку.

Князь читает всё, что написал врач, хмыкает, дойдя до строки с рыбьим жиром и насмешливо смотрит на хмурящуюся графиню.

– Рыбий жир очень полезен! – заявляет он, с трудом сохраняя спокойное лицо.

– Угу... Это орудие пыток, а не лечение! – Ксения негодуяще подскакивает и князь смеется.

Графиня Алябьева замирает. Она впервые слышит его смех, оказавшийся на удивление красивым и приятным. А Александр, отсмеявшись, неожиданно предлагает:

– Графиня, давайте я буду делиться силой с Вами? Таким образом Вы поправитесь быстрее и о рыбьем жире можно будет забыть.

Ксения недоверчиво смотрит на него. Делиться силой сердца можно только с очень близкими людьми, иначе сила просто не пойдёт, не разгонит кровь по венам, не перетечёт от человека к человеку, заупрямившись.

Значит ли это, что она действительно близка ему? И то, что он говорил о своих чувствах – правда?

Князь протягивает ладонь и девушка, чуть поколебавшись, вкладывает свою руку в нее. Руки князя аккуратно держат хрупкие пальчики графини, на его ладони – мозоли от оружия, на тыльной стороне – короткий порез, уже почти заживший.

От его рук идёт тепло, в глазах появляются алые и желтые искры. Они бегут по венам, прорываются с лёгким потрескиванием на поверхность кожи. Огибают пальца Ксении, будто присматриваясь, оценивая. Приближаются, чуть касаются и снова отскакивают. Ластятся к руке, как язычки пламени облизывают. Не больно – щекотно. Ксения во все глаза смотрит на эти искорки – она их видит впервые в жизни и теперь стремится запомнить, впитать в себя этот момент.

А Володковский смотрит на неё, получив возможность беспрепятственно любоваться на выбившуюся из косы прядь светлых волос, чуть розовую в свете искр. Он передаёт с искрами все свои чувства, эмоции, и огоньки кружатся в пляске, подстраиваясь под ритм сердец молодых людей.

Ксения не заметила, сколько прошло времени, прежде чем сияние погасло и искры ушли обратно под кожу князя.

Казалось, она чувствовала пульсацию сердца молодого князя, и её сердце билось в унисон...

Перемены, произошедшие с графиней видны невооруженным глазом: болезненная бледность ушла, цвет кожи стал здоровее. Глаза заблестели, и на щеках расцвел лёгкий румянец. Оглядев её, князь остался доволен. Ещё пару раз – и болезни будто не было. Но уехать всё же стоит... Раз врач сказал, что засыпающий навсегда дух может присосаться как пиявка, вытягивая силы – нужно прислушаться к его словам.

*Avant qu'il ne soit trop tard*²³.

---

²³ *Avant qu'il ne soit trop tard* – пока не стало слишком поздно (фр.)

Глава 13

Ксения восстанавливается быстро, через два дня она уже снуёт по крепости, наблюдая за строительством, и подсказывая, по мере способности.

После ужина она запирает дверь, достаёт свечу. На ощупь ищет коробок спичек, попутно чуть не снося со стола склянки с микстурами, которые, в принципе, уже можно вернуть доктору.

Наконец, пальцы натываются на коробок и она чиркает спичкой. Загорается та только с третьего раза. Тусклый свет озаряет комнату. Отблески неровного пламени пляшут по стенам, складываясь в невероятные узоры, сплетаясь и расплетаясь. Огонь, свидетель тысячелетней человеческой истории, устраивает театр теней, показывая трагедии и комедии, которые успел подсмотреть – в пещерах первобытных людей, в каминах средневековых замков, в огромных кострах степняков, в юртах, в ледяных домах далеко на севере. Ксения приложила палец к губам: тише, братец-огонь.

Огонь насмешливо подмигнул, как бы обещая, что не выдаст, не расскажет, куда ночью собралась графская дочка.

Ксения сдвинула в бок гравюру. Нажала на небольшую выпуклость под ней – тяжелая кровать заскрипела, чуть отъехала в сторону, открывая ход за спинкой.

Графиня в очередной раз порадовалась своей худобе – будь она толще, не пролезла бы в щель между спинкой кровати и стеной.

Чихнув от пыли, она выпрямилась, преодолев узкий проход. Далее, следуя тайными ходами, дошла до кабинета отца.

Дверь открылась без единого шороха, тени заплясали по книжным полкам. Высокие шкафы теснились вдоль стен. В помещении не было ни единого окна – воздух застоялся, дышать стало трудно. Поставив свечу на стол, Ксения открыла ящик и достала шкатулку. Провела пальцами по резной крышке, погладила узоры. Могучее дерево, переплетение корней, толстые ветви и густая крона. Последний подарок отца для матери. Сняв с шеи медальон, вытащила маленький ключик. Шкатулка с тихим щелчком открылась. Внутри лежали бумаги – документы на старое, полуразвалившееся поместье в Красеньевске, свидетельство о рождении. На отдельном листе – план тайных ходов. Под бумагами блестели камнями кольцо, браслеты, серьги. Сапфировый гарнитур и кольцо-печатка отца. Она повертела в пальцах чуть потускневший ободок, посмотрела на золотое тиснение. Надела на палец – кольцо болталось, слишком большое по размеру. Тяжело вздохнула, убрала всё в шкатулку, кроме плана крепости и плана тайных ходов. Зажав шкатулку под мышкой, выскользнула наружу. Обратный путь она проделала быстро.

Скрипнула, вставая на свое место кровать. Ксения затушила свечу и легла спать.

Наутро графиня спустилась к завтраку, а после отозвала князя Володковского в сторону.

– Кнесь, я, в любом случае, не намерена оставаться в крепости, поэтому считаю своим долгом передать Вам планы. – Она протянула ему два свитка.

Александр принял планы:

– Спасибо, графиня! Я передам планы управляющему.

– Лучше всего их хранить внутри замка. – Ксения сделала особый акцент на слове «внутри».

– Dans les murs du château, au cœur de la pierre²⁴. Мы учтём это. Благодарю Вас.

Он коротко поклонился и поспешил найти Дмитрия.

---

²⁴ Dans les murs du château, au cœur de la pierre – в стенах замка, в самом сердце камня (фр.)

Глава 14

Покинуть замок полкам удалось лишь через две недели. К тому моменту Ксения уже и не вспоминала о том, что была больна – сила сердца Творской крепости совершила чудо.

Огонь Александра переходил к графине охотно, легко, ластился к рукам, обнимал и окутывал теплом, будто нашептывая на ухо: все будет хорошо, доверься нам, мы не причиним вреда...

Весна на севере всегда приходила поздно – вот и сейчас, когда на юге уже вовсю цвели сады, у Маретинской крепости только сошел окончательно снег. Дороги развезло – грязь, смесь глины и песка наполняла все ямы, образовались лужи. Распутица – говорили северяне.

Путешествие в карете становилось невозможным. Колёса увязнут, на них налипнут комья грязи, задерживая движение.

Ксения готовилась к путешествию верхом – ей не терпелось покинуть крепость. Князь хмурил брови, считая, что она ещё слишком слаба для такого длительного пути.

– Кнесь, Вы, всё же, не правы! Во-первых, я уже вполне сносно себя чувствую, вы забываете, что мое детство проходило иначе, чем у столичных графинь, поэтому я прекрасно держусь в седле. Во вторых, верхом нам нужно лишь пре-

одолевать северные регионы, ближе к югу дороги уже вполне сухие – там я и пересяду в коляску.

Александр скрипел зубами, но понимал, что иного выхода нет. Распутица затянется надолго – а у него остались дела в Творской крепости, которые невозможно отложить на месяц или более. А оставлять графиню одну в крепости он не собирался. Так что ему оставалось только признать свое поражение и принять решение графини Алябьевой.

Спустя неделю все было готово к отъезду. Решено было, что сейчас с собой возьмут лишь самое необходимое, некоторые вещи на первое время. А остальное доставят чуть позже, когда станет возможно отправить в крепость экипаж. Более всего Ксения беспокоилась о разработках и чертежах машины, но князь уверил её – с ними ничего не случится, а через месяц их доставят в Творскую крепость. Тем более, что кое-какие расчеты графиня всё же сложила в сумку-ташку, доставшуюся ей от отца и готовилась пристегнуть к седлу лошади.

Отдельно нагружали лошадь с частью гардероба Ксении, которая, естественно, не хотел ехать в неизвестность с одним платьем, а поэтому старалась рассчитать, что оставить, а что взять с собой так, чтобы не ударить в грязь лицом. При любом случае и так скудный гардероб делился на две маленькие кучки, совершенно не радуя девушку.

Александр отдавал последние распоряжения, разрабатывал с Дмитрием систему сообщения и старался как можно

больше времени проводить рядом с Ксенией, ненавязчиво ухаживая за ней – подавая руку, когда она спускалась с лестницы, доставая книги с полок в библиотеке. Прислушивался к её словам, советовался по поводу дальнейшего устройства крепости.

Ксения лишь смущенно улыбалась. Не привычная к такому, графиня не знала, как ей реагировать. До этого всё было просто и понятно – был отец, она и крепость, а теперь оставалась она одна и уравнение с огромным количеством неизвестных.

Кнесь нравился ей – добрый, внимательный и заботливый, он незаметно занял место в её жизни, заставляя ждать встречи, прислушиваться к шагам в коридоре и давить глупую улыбку. Темные глаза смотрели на неё пристально и тепло, а голос князя при разговоре с ней терял жесткие стальные нотки, с которыми он отдавал приказы.

Засиживаясь допоздна в библиотеке, Ксения всегда оказывалась в итоге укутана шалью. Если она спешила куда-то, и вдруг теряла равновесие, князь неизменно оказывался рядом, как ангел-хранитель оберегая её от любых неприятностей.

А сам князь просто наслаждался каждой минутой, проведенной рядом с девушкой, влюбляясь с каждым днем все сильнее.

Влюбляясь в смешинки в её глазах. В непослушную прядь волос, выбивающуюся из прически. В мягкий, заворачиваю-

щий голос. В спокойные рассуждения, подкрепленные фактами и личными наблюдениями. В то, как смешно дергался кончик её носа, если Ксения была недовольна чем-то.

И в маленький шрамик на виске, который она забывала припудрить.

Настал день отъезда.

С самого утра во дворе толпились люди. Солдаты седлали лошадей, нагружали вьючных кобыл, радовались скорому возвращению домой.

Ксения с утра оделась в дорожное платье, попросила пристегнуть к седлу сумку с чертежами и отцовской шкатулкой – самыми дорогими её сердцу вещами.

Во дворе уже била копытом оседланная Алиста, ожидая свою всадницу. На удивление всех, кто вышел провожать полк, Алиста в размерах лишь немногим уступала княжескому Рэймонду, вызывая восхищенные шепотки со всех сторон.

Александр помог Ксении устроиться в седле, одним слитным движением взлетел на своего скакуна и процессия двинулась прочь из крепости.

Ксения оглянулась, прощаясь со стенами, давшими ей приют на долгие семь лет.

Полетели быстрые дни в дороге.

Глава 15

Несколько дней прошли спокойно, Ксения изо всех сил старалась держать темп, заданный отрядом и, к удивлению многих, оказалась хорошей наездницей. Что, к сожалению, не убергло её от беды.

На четвертый день вечером они достигли деревни, где оставалась часть отряда. Поселок в пятьдесят дворов стал одним из опорных пунктов мятежа, так что без дела оставшиеся солдаты не сидели. После соединения отряда, решено было переночевать на месте, а с рассветом двигаться дальше.

Уставшая за день в седле графиня за ужином клевала носом, и добрая хозяйка отвела её в небольшую комнатку, где уже застелили лавку, так как кроватей в доме не нашлось.

Сев на постель, Ксения расплела косу и достала гребень. Только через какое-то время она поняла, что в комнате не одна. В углу, рядом с дверью, сидела маленькая девочка лет шести-семи. Карие глазёнки смотрели с любопытством, а черные волосы даже на вид казались очень жесткими. Часть их вылезла из косички и завивалась мелким бесом, обрамляя круглое личико.

Девочка молча смотрела на Ксению. Графине стало даже несколько неловко под таким пристальным взглядом, и она поспешила занять руки, немного нервными движениями

расчесывая волосы.

Неожиданно раздалось:

– Меня Злата звать. А ты кто?

Голос девочки был почти не слышен, если бы не тишина в комнате, вопрос графиня бы не заметила.

– Я Ксения, ваша гостья на сегодня. Мы остановились у вас переночевать. А ты дочка хозяйки?

Злата ничего не ответила, склонила голову на бок и сообщила:

– Ты красивая, Ксения. И счастливая будешь, если перелом перейти сможешь. Потерять легко, а найти трудно.

От таких слов по коже девушки побежали мурашки. Слишком серьезной была эта маленькая девочка, с не по-детски взрослым взглядом.

А потом девчушка подошла и сказала:

– Вы когда поедете, езжайте главной дорогой, не нужно в лесу ночевать. Лес злой нынче стал.

И за дверь выбежала, тряхнув косичкой.

После этих слов Ксении стало по-настоящему страшно. Она покрепче притворила дверь, и легла, пол ночи проворочавшись в постели. Наконец, усталость всё же взяла своё и графиня провалилась в сон.

На утро её разбудили голоса за дверью: скоро пора отправляться в путь.

Сидя за столом, Ксения спросила у хозяйки:

– А где Злата?

Женщина неожиданно нахмурилась:

– Злата?

– Ну, дочка Ваша, наверное. Девочка, маленькая такая, лет шести. Темненькая, с кучерявыми волосами.

Хозяйка побледнела и уронила ложку.

За столом воцарилась гробовая тишина, в которой неожиданно раздался всхлип:

– Где ж Вы её видели-то?

Ксения рассказала всё, что произошло вечером, подробно описав и девочку, и весь их разговор.

Злата, третья дочка кузнеца, пошла четыре весны назад на речку, да утопла. И через некоторое время стала появляться перед односельчанами, пугая их до дрожи. С тех пор пошла примета: встретить девчонку – к беде, а что скажет она, то и сбудется. А год назад и люди стали пропадать, так ходят слухи, что это она их с собой утаскивает. Недаром первой пропала её старшая сестра – небось, заговорила, заколдовала.

Графиня сглотнула. Вот тебе и милый ребенок. Выходит, её ждет какая-то опасность, а скорее всего не только её, но и всех спутников. Однако Александр рассудил так: предупрежден, значит, вооружен. Сидеть лишние дни в деревне всё равно толку не будет. Значит, усилив бдительность, нужно потихоньку двигаться вперед. На том и порешили. Отряд в напряженном молчании отправился в путь.

Вскоре дорога начала подниматься в гору, местность стала скалистой – путь до Творской крепости отличался от при-

вычного Ксении пути до столицы.

Кратчайший путь лежал через горную дорогу – достаточно широкая, она проходила у самого подножия двух скал-гигантов и далее вела на юг. Также можно было объехать горы вокруг, но этим путем пользовались крайне редко. Запасная дорога проходила по границе леса, а дальше соединялась с главной.

Однако какого же было удивление путников, когда они увидели, что главная дорога засыпана крупными камнями и обломки полностью перегородили проход.

Люди хмурились, не понимая, что вызвало обвал. Шум в деревне никто не слышал, поэтому препятствие стало неожиданностью для всего отряда. Быстро разобрать преграду не представлялось возможным, поэтому, отправив одного всадника назад, в деревню, чтобы сообщить о случившемся, князь приказал двигаться в обход. Они свернули на запасную дорогу.

Предсказание Златы в свете последних событий выглядело еще более зловеще. Казалось, что кто-то заманивает людей в хитро выстроенную ловушку. И какой шаг окажется ошибочным, известно лишь судьбе. Стоило ли остаться у завала и, дождавшись помощи, разбирать его? Или именно это решение навлекло бы беду на отряд? Тревога поселилась в сердце у каждого, но все старались не поддаваться мрачным мыслям.

Ночь застала их в дороге, поэтому было решено остано-

виться и с утра продолжить путь.

Разведя костры, люди старались держаться ближе к огню, сбиваясь в тесные группы. Ощущение надвигающейся опасности парило в воздухе. Были назначены часовые, не слышно было обычных шуток и историй. Немногословные просьбы – единственное что разбавляло напряженную тишину.

Не сразу стало понятно, что темнота сгустилась, со всех сторон окружая отряд. Уже нельзя было различить стволы деревьев, окружающие поляну, огонь костров утих, становясь тусклым.

По поляне поплыли перешептывания. Солдаты похватили оружие, встав спинами друг к другу. Ксения придвинулась ближе к Александру, зажав в кулаке кинжал. Князь обнажил меч, вглядываясь в темноту прямо перед ними. Неожиданно всё пришло в движение, тьма за клубилась, бросаясь на людей. Из неё появлялись тощие фигуры, существа, похожие на человека с серой кожей и темными провалами вместо глаз.

Люди отбивались как могли, но нападающие всё прибывали и прибывали, казалось, сталь мечей не берет их. Как только кто-нибудь рассекал такое существо напополам, оно распадалось на клочья тьмы, вновь собираясь воедино через пару минут.

Наконец, кто-то додумался достать из костра пылающий сук и начать отмахиваться факелом. Дело пошло быстрее, огонь пугал тварей, но их по-прежнему было слишком много.

Александр и Ксения отбивались как могли, но в какой-то момент их начали теснить к краю поляны. Своими прикосновениями серые создания выпивали капли жизни, и уже вскоре несколько людей лежали на земле, бледные до синевы.

Ксения сдула с лица упавшую прядь, отмахиваясь от очередной полутени. Сколько же их?

Ночь, казалось, будет длиться бесконечно. Уставшие люди начали сдавать позиции, костры плавно затухали. Смерть протягивала к людям свои костлявые руки, готовясь принять их в свое царство.

Александр шатался от усталости, когда вдруг детский голос шепнул ему на ухо:

– А внутри огонь зажечь сможешь? Ты же сам костер, зачем тебе факел?

Как же он раньше не догадался! Действительно, сила крепости сама по себе – пламя. Значит, нужно только обратиться к нему, как тогда, когда он помогал Ксении.

Прикрыв глаза, князь дотронулся до связи, свернувшейся теплым клубком под сердцем. Та охотно отозвалась, разворачивая нити живого огня. Когда Александр открыл глаза, они светились ровным желтым пламенем. По венам побежал жар, на коже выступили искры. Вскоре он и вправду напоминал факел и пылал отгоняя тьму.

Тело раскалилось, а тьма, наоборот, отступила. Ленты огня побежали от рук князя, отгоняя нападающих, охватывая

всю поляну. Люди опустили оружие, с надеждой смотря на него. Сердце крепости обдавало жаром, превращая носителя в столб чистого пламени.

Черты лица князя исказились, будто в сильной муке. По виску стекала капелька пота, он тяжело и часто дышал.

– Он же сгорит так... – Послышалось с разных концов поляны.

Сила крепости – великая награда и великая опасность, сжигающая своего носителя. Александр предполагал, что выпустив огонь он не сможет обуздать его, но надеялся, что до крайности не дойдет. Однако жар выжигал его изнутри, превращая в лаву внутренности, пожаром проходясь по венам и заставляя кровь кипеть.

Неожиданно вся сила будто скопилась в сердце, а потом, превращаясь в тонкую нить, потекла из груди. Она распределялась на два сосуда, заполняя двух людей до края, но не переливаясь через него, как это было раньше.

Напротив князя стояла Ксения, положив руку ему на грудь, туда, где билось сердце. Графиня чувствовала, как огонь крепости вначале опалил её, а после побежал по венам.

От чрезмерного напряжения на грани всех возможностей у обоих уже текла кровь из носа.

Поляна озарялась ровным светом, тьма, до этого хищно цеплявшаяся за людей, отступила и дрожала, клубясь у самой земли.

Все уже давно потеряли счет времени, но небеса начали

постепенно светлеть и вот, отряд озарил первый луч солнца.

Александр совладал с пламенем, заставив его языки опять свернуться под самым сердцем.

Напряжение отступило, давая людям долгожданный отдых. Солдаты валялись с ног от усталости, а их командир был белее снега.

Люди упали там, где стояли, практически мгновенно засыпая. Очнулись они ближе к полудню, когда солнце стояло в зените, освещая поляну.

Оказалось, что те, кто упал ночью – не умерли. Они крепко спали, их груди чуть вздымались и опадали, но разбудить их никто не смог. Оставшиеся люди собрались, чтобы обсудить, что делать дальше.

Ясно одно – лес нынче действительно злой.

Оставив пару солдат охранять спящих, Александр вместе с остальными решил осмотреть лес вблизи поляны. Причину появления тьмы нужно было уничтожить – оставлять такое нельзя.

Через три часа они наткнулись на покосившийся домик, стоящий прямо посреди леса. На несколько метров вокруг дома земля была выжжена и блестела, будто слюда.

В лесу царила неестественная тишина, даже птицы замолчали. Александр с Ксенией переглянулись и, чуть помедлив, двинулись к дому. Дверь избушки скрипнула, открываясь. Изнутри пахло сыростью и плесенью.

Посреди дома стоял черный камень.

Глава 16

Ксения вздрогнула, зябко передернув плечами.

Такие камни – алтари – использовал объявленный вне закона культ Темного бога. На алтаре приносили жертвы.

И вот теперь на пристанище такого культа наткнулись они с Александром.

Князь потянул Ксению за руку, заставив отступить назад, и закрыл дверь. Нужно было решить, что делать. Уничтожить алтарь – дело сложное, и чем сильнее камень, тем тяжелее его убрать.

Этот был не самым мощным, но всё же успел накопить тьму. Сразу стало ясно, куда пропадали жители деревни. Злата тут не при чем – скорее всего, где-то скрывается целая секта.

Отойдя от темного дома, Александр достал из-за пазухи небольшой деревянный значок, что есть силы сжимая его в пальцах. Постояв так пару минут, он объяснил, что отправил сигнал о помощи отцу – с ним канал связи наиболее устойчивый. Нужно будет провести расследование, чтобы точно выявить всех последователей культа, а этим должен заниматься специальный отдел Канцелярии его Императорского Величества. Ищейки найдут виновных, однако в ситуации с алтарем они бессильны – магии в них нет совершенно.

Сначала нужно как можно скорее уничтожить алтарь. Как это сделать, никто не знал.

Ксения почувствовала, как её за рукав кто-то дергает. Опустив глаза, она увидела Злату, печально глядящую на неё снизу вверх.

– Видишь, что они сделали. Лес злым стал! – Немного плаксиво пожаловалась девочка.

Графиня глянула на Александра, но он, кажется, не видел Злату. И никто из воинов на поляне не обращал внимания на маленького призрака.

Тогда Ксения рискнула тихонько спросить:

– А как это исправить? И почему тебя не видят остальные?

Злата поморщилась, взглянув на князя.

– Факел слишком яркий. В нем много огня, сжигающего даже меня. А ты – почти своя, холодная. Ты ведь недавно хотела шагнуть за грань?

Графиня вспомнила свою затянувшуюся болезнь, и поняла, что, скорее всего, девочка имела в виду именно этот эпизод в её жизни. Тогда да, она действительно должна быть "холодная".

– Злат, солнце, скажи, как убрать силу из этого места? –

Ксения глянула на дом, мрачно зиявший провалами окон.

– Здесь открыта граница тьмы. Откройте грань света, у вас же есть факел. Позовите Мать на помощь – она добрая, она даже меня любит!

С этими словами малышка растаяла, на последок сжав ма-

ленькой ладошкой руку графини. Кто такая эта Мать, которая любит Злату? Вряд ли жена кузнеца... Само слово было произнесено с придыханием, будто девочка прикасалась к недосягаемой святыне... Святыне! Мать – Богиня!

Ксения посмотрела на Александра и твердо произнесла:
– У меня есть план.

Через час на земле появился круг с небольшими значками по краю – такой всегда рисовался на образах. Постаравшись в точности его воссоздать, Александр, закусив губу, водил острой палкой по земле. Вырисовывая все символы, он старался влить в них капельку огня – чтобы сработало. Попытка будет только одна.

Ксения расставляла по периметру круга палки, на которые солдаты наматывали обрывки нижних рубашек.

Наконец, все было готово. Суть ритуала была проста – приподнять завесу между мирами, открыв светлый поток, и позвать Богиню-мать. Но на самом деле, никто точно не знал, как именно нужно совершать призыв.

Одно хорошо – сила у князя светлая, значит, темные сущности притянуться на зов не должны.

Александр встал в центр круга, за его спиной встала Ксения, положив ему руки на плечи. В их плане девушка выполняла роль "страховки" и должна была контролировать действия Александра.

Князь вытянул руку, порезав её кинжалом – чтобы внутренняя сила быстрее нашла дорогу наружу. Тонкая струй-

ка крови потекла по ладони сложенной лодочкой, постепенно скапливаясь. Александр начал читать молитву, посвященную богине, в надежде на её скорый отклик.

С каждым словом он разматывал клубок огня, обретающийся под сердцем, буквально привязывая силу нитью к молитве. С последним звуком он перевернул ладонь и кровь полилась на начерченный круг.

Сила дернулась, обрывая все цепи, и вырвалась наружу. Разом вспыхнули факелы. Земля содрогнулась, застонали вершины деревьев, по лесу прокатился гул. Завеса сдвинулась, открывая что-то настолько мощное и древнее, что ноги подгибались. Люди привалились друг к другу, пытаясь удержаться на ногах. Столб света ударил на поляну, постепенно расширяясь. Сила выходила из Александра ровными толчками, будто кровь хлестала их гигантской артерии. Главное, вовремя прервать поток.

Вскоре в воздухе можно было разглядеть женское лицо, а после и фигуру. Богиня оглядела людей и обратила свой взгляд на пару в центре круга. Её лицо принадлежало одновременно и совсем молоденькой девушке, и зрелой женщине, и убеленной сединами старухе. В мудрых глазах читалась бесконечная любовь к своим детям. На глаза Ксении навернулись слезы: так вот о чем говорила Злата. Это действительно Мать всего живого.

Богиня нахмурила брови, увидев дом с алтарем и вытянула вперед руку. Прижав дом ладонью, она будто вдавила его

в землю. На месте, где он стоял, пробился маленький росточек рябины. Поляна излечилась от тьмы – пробилась трава, и деревья по краям ожили.

На поляне стали появляться полупрозрачные фигурки людей. Они испуганно жались друг к другу и с восхищением смотрели на Богиню.

Вдруг раздался детский крик:

– Милаша!

И Злата, промчавшись как маленький вихрь, прижалась к высокой девушке с такими же темными волосами. Та крепко обняла её в ответ. Видимо, это и была сестра девочки, пропавшая год назад.

Жертвы алтаря смотрели на Мать, которая поманила их рукой и тихо прошептала:

– Обретите покой, дети мои.

Призраки исчезли один за другим. Последней растворилась Злата, помахав графине рукой.

Мать кивнула своим мыслям и ласково улыбнувшись князю и Ксении, исчезла.

Люди на поляне выдохнули. Давление божественной мощи исчезло. Можно было закрывать поток силы. Измученный Александр потянул нити и они, внезапно, слишком легко подались вперед. Завеса упала обратно, схлопывая проход между мирами. От этого всех разметало в разные стороны, будто легкие картонные фигурки.

Ксения отлетела к дереву и сильно ударилась ногой. В гла-

зах потемнело от боли и усталости и последнее, что она видела, перед тем как потерять сознание, было бледное лицо князя.

Пришла в себя она уже в лагере. Нога была перевязана, а Александр помог ей сесть, придерживая за плечи и успокоил новостью, что это оказался лишь небольшой вывих, а не перелом. Однако побереечь ногу все-таки придется.

Те, кто уснул ночью, пришли в себя, но были достаточно слабы. Поэтому все единогласно приняли решение отдохнуть и только потом отправляться в путь. Для Императорских ищек Александр оставил точные координаты места, где они нашли алтарь, а также деревни, из которой пропадали люди.

На следующее утро можно было двигаться вперед. Специально для транспортировки Ксении достали большое седло, используемое для перевозки раненых. Александр оседлал своего коня, а после поднял Ксению, усадив её боком перед собой.

Теперь можно было отправляться в путь.

Глава 17

Юг встречал Ксению, шумел кронами деревьев, перекликался радостными птичьими голосами, ярко сиял солнцем. Она же дышала полной грудью, чувствуя, как остаётся позади постылая сырость севера, холод зимы и серое низкое небо.

Юг встречал её радостно, приглашающе распахивая свои объятия, словно спрашивая: почему тебя так долго не было? Соскучилась?

Да, соскучилась. По солнцу, чистому небу, полям, усыпанным цветами, по ярким и близким звездам...

Как только они миновали северную полосу с хлюпающей грязью дорог, графиню пересадили в карету. Оббитый изнутри подушками экипаж мягко покачивался на рессорах, а труд Раевича «О природе механизмов» затмил даже долгий путь.

Александр довольно улыбался, глядя в сверкающие азартом глаза невесты, которая с энтузиазмом выдвигала все новые и новые теории, нуждающиеся в проверке. Каждый из них нашел в другом отличного собеседника – внимательного и готового слушать и слышать.

Творская крепость встретила графиню сверкающей на ярком солнце черепицей, блеском начищенных крепостных пу-

шек и гулом голосов.

Жители высыпали встречать своего князя, приветствуя весь отряд радостными выкриками и счастливыми улыбка-ми. Александр спешил, п Ксении выйти из кареты. Она с любопытством оглядывалась вокруг – все же, здесь ей придется провести достаточно долгое время... Она смущенно глянула на князя: а может быть, и всю жизнь... Графиня, возможно, была бы совсем не против.

Они подошли к замку, поднялись по ступеням. Чем-то это место смутно напоминало то, где она выросла. Конечно, Творская крепость быда намного больше, чем их поместье в Красеньевске, но всё же...

На графиню исподтишка поглядывали все во дворе. Князя в крепости любили и, конечно же, хотели, чтобы невесту он нашел себе под стать – умную, добрую, справедливую. Уже загодя до возвращения отряда было известно, что прибудет Александр не один, а со своей возлюбленной, будущей хозяйкой крепости. И теперь все приглядывались к девушке: какая она?

Пока то, что они видели, им нравилось. В особенности взгляд, которым смотрела Ксения на князя. Так нельзя смотреть на безразличного тебе человека. Так смотрят лишь на любимых.

Володковский же, беспокоясь, что долгая дорога могла подорвать здоровье графини, уговаривал её немного отдохнуть.

– Графиня, Вам уже подготовили покои. Они на втором этаже, давайте я Вас провожу?

– Кнесь, право слово, я совсем не устала! Может быть, я смогу чем-то помочь Вам? Ведь в крепости точно накопились дела, а я, в какой-то степени, стала причиной Вашего долгого отсутствия...

Князь нахмурился:

– Душа моя, что за мысли? Даже не думай винить себя в этом! Ты... Точнее, Вы...

Александр перескакивал с одного обращения на другое, что лучше любых слов передало его чувства. Ксения улыбнулась и просто сказала:

– Хорошо, Саша.

Складка между бровями Володковского тут же разгладилась, а сам он улыбнулся совершенно мальчишеской улыбкой:

– Ксения, ты даже не представляешь себе, как я рад, что...

За разговором они не заметили, как поднялись на второй этаж. Там их уже ждали. Серые глаза напряженно разглядывали приближившуюся пару.

– Доброго вам дня, дети мои, – произнесла женщина, встретившая их у лестницы.

Глава 18

В коридоре стояла Агния Володковская.

– Сын мой, ты не хочешь представить меня юной леди? Где твои манеры? – Княгиня хищно прищурилась, моментально считывая взглядом и то, как смутилась девушка, и то, как сын чуть вышел вперед, будто защищая свою спутницу.

Ксения потупилась, сжав ладошку в кулак. Ей показалось, что по сравнению с этой утонченной дамой она – замарашка, Золушка. Она подняла взгляд на Александра – неужели он не видит этого?

Нет, князь этого не видел. Наоборот, он смотрел на Ксению так, будто она была эталоном красоты – звездой, только что спустившейся с неба.

Княгиня кашлянула, привлекая к себе внимание. В целом, она уже всё знала, но хотелось бы услышать подтверждение вслух, от сына лично, неужели её Саша сейчас скажет: женьюсь?

– Мама, позвольте Вам представить: моя невеста, графиня Ксения Васильевна Алябьева.

Агния всплеснула руками и заулыбалась:

– Наконец-то! Боги услышали мои молитвы, Саша. Дочка!

И обняла Ксению. Графиня растерялась, не зная как себя вести, она не ожидала такого теплого приема. Поэтому про-

сто обняла княгиню в ответ, стараясь не расплакаться.

Мать Александра отстранилась, внимательно взгляделась в лицо Ксении:

– Если он будет командовать, то сразу жалуйся мне! Привык тут, в гарнизоне своем. Ты не теряйся!

Ксения улыбнулась: кажется, знакомство с родителями Володковского началось лучше, чем она могла себе представить.

– Вообще-то я стою рядом и всё слышу, – подал голос сам жених.

Агния недоуменно на него посмотрела и уперла руки в бока:

– А почему ты подслушиваешь? Иди-иди, у тебя точно накопилось много дел! Дай женщинам немного посплетничать наедине, такие уж у нас маленькие слабости.

Ксения хитро глянула на Александра: такого он от собственной матери не ожидал. Но, рассмеявшись, он шутливо откланялся, поцеловал Ксению руку и удалился.

Глаза княгини блеснули любопытством. Она развернулась к графине, взяла ее под ручку и, направляясь дальше по коридору, потребовала:

– А теперь рассказывай, ангел мой, как вы познакомились. А то от этих мужчин не дождешься никаких подробностей, они всё держат в тайне, как будто от моего любопытства государство развалится! – Пожаловалась она.

Александр же был спокоен: раз матушка приняла Ксению

с распростертыми объятиями, то и отец отреагирует так же. А уж княгиня свою будущую невестку в обиду не даст.

Дел в крепости накопилось неожиданно много. Освободился он только к ужину, прошел в свои покои и достал фамильный свадебный гарнитур, передающийся по наследству в их семье. Открыв шкатулку, оглядел переливающиеся оттенками синего камни, небольшие серьги, ожерелье и кольцо – Ксении должно понравиться. Быстро пройдя коридор, постучал в покои Ксении. Отворила ему, как ни странно, не графиня, а мать.

– А вот и он! Вспомнишь солнце – вот и лучик. Только-только с Ксенией Васильевной обсуждали, где же носит-то хозяина крепости. Ни экскурсию дамам не провел, ничего... О времена, о нравы, о, Боже мой.

Ксения слушала все это с улыбкой, сидя в глубоком кресле у окна. Она уже сменила дорожную одежду и сейчас была в легком, светло-голубом летнем платье. Заколотые шпильками локоны каскадом ниспадали с плеч. Александр замер, любясь невестой.

"Какая же она красивая" – билось у него в голове.

Агния покачала головой и вздохнула. Наконец-то и к её совершенно непрошибаемому сыну в жизнь пришла любовь. Теперь главное, чтобы он не наломал дров и не напугал бедную девушку – она и так в жизни натерпелась. Ну уж нет, она, Агния, невестку будет беречь как зеницу ока, чтобы точно не сбежала от новой любящей семьи.

Тем временем, Александр откашлялся и протянул Ксении шкатулку.

– Графиня, я дарю Вам фамильный свадебный гарнитур, согласно традиции, давно укрепившейся в нашей семье.

А потом тихо добавил, склонившись к девушке:

– Прими его, пожалуйста, душа моя. Я буду счастлив называть тебя своей женой.

Ксения быстро заморгала, пытаясь сдержать слезы от нахлынувших эмоций. Гарнитур действительно был прекрасен – аккуратные камни, строгое сияние золота, перевитие металлических тисненых листьев.

– Благодарю Вас, кнесь. Я с радостью приму этот подарок и Ваше предложение.

Она приняла шкатулку, примерила кольцо. Оно село как влитое, размер оказался идеально подходящим для небольшой ручки графини. Полюбовавшись на переливы синего, Ксения убрала шкатулку в стол. Свадебное украшение у неё уже есть – осталось только платье, туфли, дата, гости... Боже, сколько всего. Может, всё-таки не стоило соглашаться?

Княгиня Агния, видимо, прочитала все сомнения девушки у нее на лице и, подойдя ближе, отвлекла ту от мысленных метаний.

– Ну вот, Ксения, ангел мой, как хорошо кольцо село! Помню, когда я выходила замуж...

Далее они плавно перешли на обсуждение свадьбы, и уже через десять минут Ксения не понимала, почему ей казалось,

что организация целиком и полностью ляжет на её хрупкие плечи. Оказывается, это необыкновенно приятно, после длительного периода одиночества, наконец-то найти тех, кому ты нужна.

Она встретилась взглядом с женихом: всё будет хорошо, обещали его глаза.

Глава 19

Свадьба состоялась осенью, когда прошла удушливая жара долгого южного лета, когда листья окрасились в желтые и красные цвета, но солнце всё ещё согревало своим теплом землю, ярко сияя на безмятежно-синем небосводе.

Венчание должно было пройти в церкви при императорском дворце – на самой церемонии будут только самые близкие. Ни к чему таинство превращать в балаган, говорила княгиня Агния, и Ксения была полностью с ней солидарна. А вот за пределами дворца будет народное гуляние – шутка ли, женится князь Александр. По этому случаю столица была украшена цветами и разноцветными флажками и лентами, отовсюду была слышна музыка.

Ксения смотрела из окон покоев на двор, по которому сновали слуги, совершая последние приготовления. Страх постепенно подбирался к ней, заставляя сердце биться неровно. Как всё пройдет? А вдруг, она споткнется? Вдруг, упадет? Опозорится... Или наступит на подол платья. Или в фате запутается... Хотя, фату будут нести, так что последнее вряд ли произойдет.

К алтарю её поведет дядька Антип, всё-таки вернувшийся из заморского похода. Осунувшийся и уставший, одним летним вечером он постучал в ворота крепости, еще не зная ни о

смерти Василия, ни о судьбе Ксении. Потом, приехав в Творскую крепость и убедившись, что с графиней всё в порядке, он вернулся в Маретинскую крепость, помогать управляющему. И, вполне возможно, готовиться к новому походу. Но сначала он пообещал Ксении присутствовать на её свадьбе и быть посаженным отцом. У меня никого нет, один ты, дядька Антип, остался – сказала ему тогда графиня – так проводи меня к алтарю ты.

– Ксения, ты чего такая бледная? – В покои заглянула княгиня Червинская. – Боишься?

Графиня нашла в себе силы кивнуть, нервно переплетая пальцы.

– Как я тебя понимаю... Помню, сама тряслась, как лист – вдруг что случится. Но ты не переживай, всё пройдет отлично! Я в этом уверена. А теперь давай, пойдем, церемония скоро начнется. Будет неловко, если опоздаем! Без тебя тебя же замуж выдадут.

Ксения улыбнулась, слушая успокоительный щебет Марии. Станным образом, её слова подействовали, и страх отступил. В конце концов, сегодня необыкновенно счастливый день!

Графиня открыла шкатулку, надела кольцо. Мария помогла застегнуть серьги и ожерелье, и вот, невеста была готова к выходу.

В этот момент дверь открылась, и в покои вошла Агния Володковская.

– Какая же ты красивая, милая моя! – Воскликнула она в восторге. – Думаю, Александр точно потеряет дар речи. И обретет его нескоро!

Они спустились вниз, несколько девушек подхватили фату Ксении. Антип взял девушку под руку и повел к церкви.

– Счастья тебе, Ксенюшка, солнце наше ясное!

– Спасибо, дядь Антип.

Стук её собственного сердца оглушал, на пороге церкви Ксению ждал Александр.

Он действительно потерял дар речи, увидев девушку в белом, воздушном платье. Теперь он еще больше походила на ангела, спустившегося с небес.

Ксения встала слева от жениха, начался обряд обручения.

Седой священник благословил пару и вручил им пару венчальных свечей. Для девушки всё вокруг было, будто в тумане, она плохо слышала, что говорил святой отец, все, что она видела – яркий огонек свечи, пляшущий у неё в руках.

– Благослови Владыко! – Слышит она сквозь шум в ушах.

Вот она уже стоит у аналая, вот идет к Царским вратам, целует икону Богини матери...

И над всем этим – яркое, чистое пламя свечи, спокойный взгляд Александра, тихий, спокойный голос священника.

Венчание прошло. Впереди ещё празднество, долгие поздравления, бал, торжественная речь императора... Но самое главное уже свершилось, обряд венчания закончен. Они муж и жена перед ликами Богов, пока смерть не разлучит их.

И глаза князя обещают: всё будет хорошо.